Изъ воспоминаній священника старожила о пензенскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи (1819—1830 гг.).

Я включенъ былъ въ пензенское духовное училище осенью 1819 года. Мнѣ было 10-ть лѣтъ. Читать и писать я обученъ былъ дома отцемъ моимъ—діакономъ. Не легко мнѣ досталась грамата. Отецъ началъ учить меня съ 7-ми лѣтъ. За каждую ошибку въ „буки-азба-азра",—мнѣ доставалась колотушка въ голову, а за лѣность и прутья въ спину. 8—9-ти лѣтъ я уже могъ читать псалтырь, и отецъ сталъ водить меня съ собою читать его по умершимъ. Это было въ то время самая доходная статья; за сутки чтенія—брали по цѣлковому. Живо помню, какъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, я становился у изголовья покойника и слабымъ голосомъ начиналъ читать: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ"... Отецъ, впрочемъ, не отходилъ отъ покойника,—иначе я бы убѣжалъ; онъ ложился спать возлѣ меня, и мнѣ было смѣлѣе. Такъ помогалъ я ему года два. Въ то же время, подъ руководствомъ его, я выучился нотному пѣнію. Но, вотъ, однажды, отецъ объявилъ мнѣ, чтобы я собирался въ Пензу,—и въ то же время далъ приказъ матери собрать меня.

Не безъ страха я ѣхалъ въ невѣдомый мнѣ міръ—Пензу: много догадокъ, много думъ, предположеній роилось въ моей головѣ; но что я увидѣлъ въ Пензѣ, превосходило всѣ мои предположенія. Если кто видѣлъ кучу муравьевъ послѣ

разоренія ихъ гнѣзда, это было слабое подобіе того шума, гама, какой я встрѣтилъ въ Пензѣ. Я очутился вдругъ въ сообществѣ 700 мальчиковъ, почти старшихъ меня по возрасту.

По пріѣздѣ въ Пензу меня подвергли экзамену. Экзамеменовалъ ректоръ училища Алявдинъ. По экзамену я оказался достойнымъ поступить во 2-й классъ, но вотъ въ этотъ же классъ вмѣстѣ со мною поступило 400 учениковъ; да въ синтаксисѣ было 150 уч., да въ 1 классѣ 150 уч.; итого въ пензенскомъ училищѣ было до 700 учениковъ. Такая многолюдность произошла отъ того, что вслѣдствіе преобразованія училищъ и семинарій въ 1818 году строжайше предписано было всему духовенству включать дѣтей своихъ въ училища, хотя бы они были урослыя. И вотъ, навезли ихъ въ пензенское училище до 400 вдругъ, а другихъ училищъ тогда еще не было; во 2-мъ классѣ оказалось больше потому, что дѣти большею частію привозились обученными чтенію и пѣнію. Со мною, во 2-мъ классѣ, оказались парни лѣтъ 18—20-ти съ пушкомъ на усахъ и бородѣ. Можно себѣ представить, что это было за ученіе при такомъ многолюдствѣ, скученномъ въ тѣсномъ помѣщеніи, при одномъ учителѣ.

Училище пензенское занимало тогда корпусъ, что нынѣ на семинарскомъ дворѣ—въ полицейской части, гдѣ нынѣ помѣщается семинар. Правленіе, библіотека и казеннокоштные воспитанники семинарскіе. До того времени это были конюшни, на скорую руку передѣланныя въ училищное помѣщеніе; окна были маленькія; къ одной сторонѣ, именно къ югу,—во всю длину корпуса былъ корридоръ, а по другую—классы. Перегородки между ними были деревянныя, досчатыя. 2-й классъ былъ въ срединѣ корпуса и занималъ мѣсто аршинъ въ 20-ть. Столы сколоченные изъ

досокъ, безъ всякихъ ящиковъ для книгъ и мѣстъ для чернилъ, аршинъ въ 15-ть каждый, поставлены были во всю длину класса. Само собою разумѣется, помѣстить всѣхъ 400 человѣкъ за столами было невозможно; за столами помѣстили только болѣе хорошихъ учениковъ, а на остальныхъ махнули рукой: размѣщайтесь де, какъ знаете, сами. И всѣ кое-какъ размѣстились: одни были за столами, другіе подъ столами, а третьи подъ скамьями спали въ растяжку. А потому часто случалось, что въ то время, какъ одни отвѣчали урокъ учителю, другіе подъ столами спали, а нѣкоторые играли въ карты. Вскорѣ между классами сдѣланы были бреши (тайные проходы). чрезъ которые ученики во время классныхъ занятій свободно переходили изъ класса въ классъ и занимались чѣмъ хотѣли.

Учитель у насъ былъ нѣкто Колоновскій. Ученіе его почти ограничивалось задаваніемъ урока „отселѣ, доселѣ“. Обыкновенно К. входилъ въ классъ, бралъ нотату и начиналъ вызывать учениковъ. Въ то время у насъ были нотатники, которые обязаны были до прихода учителя переспросить всѣхъ учениковъ. Знающимъ ставили они въ нотатахъ—sciens; не знающимъ урока nesciens.—Почему N. не знаешь урока, спрашивалъ К. ученика?—Голова болѣла, и я не могъ приготовить. Врешь, голова болѣла, кричалъ учитель, ты просто сталъ лѣниться. Ступай!... Это означало идти подъ порку. И мы шли безпрекословно. Насъ сѣкли за незнаніе урока, за опозданіе въ классъ, за шалости. Иному несчастному въ продолженіе дня приходилось раза три ложиться подъ порку. Но мы не боялись порки, потому что привыкли къ ней, да и экзекуторы были задобрены калачами. Но ректора семинаріи Аарона очень боялись, потомучто онъ ходилъ съ своимъ сторожемъ Степаномъ, который сѣкъ насъ безъ послабленія.

Нотаты просмотрѣны, незнающіе перепороты, и классъ кончался. Иногда только К. заставлялъ хорошихъ учениковъ перевести стиха два изъ Корнелія Непота. На этотъ случай у насъ были русскіе переводы, или сверху строкъ надписи, по которымъ мы и отвѣчали. Больше всего мы упражнялись письмомъ и пѣніемъ по нотамъ. Для чистописанія имѣли прописи, которыя намъ писали ученики синтаксиса. Помню живо, какъ ученикъ Смолинъ, въ послѣдствіи бывшій епископъ Пензенскій, продавалъ намъ прописи, написанныя на желтой бумагѣ. Онъ писалъ хорошо. Напишетъ, бывало, нѣсколько прописей и продаетъ ихъ въ нашемъ классѣ по грошу. Въ числѣ другихъ и я купилъ эту пропись.

Въ проулкѣ, между полицейскою частію и нашимъ корпусомъ, мы подкрѣпляли себя пищей, для чего тутъ набирались бабы съ молокомъ, и парни съ калачами. Купишь, бывало, калачъ и бутылку молока, и за завтракъ. Но только что за глотокъ молока, какъ нотатчикъ съ боку толкъ тебя: а мнѣ-то? Даешь и ему глотокъ, другой, и кусокъ калача, и онъ отходитъ. Так. образ., нотатчики кормились всегда на счетъ насъ ненотатчиковъ. Но бѣда, если кто недастъ нотатчику калача: тогда, какъ ни учи урока, въ нотатѣ будетъ стоять nesciens.

Ректоромъ у насъ былъ сперва Алявдинъ, потомъ поступилъ Андрей Лукичъ Овсовъ. А. Л. былъ строгой ректоръ. Каждую недѣлю онъ ходилъ по классамъ и спрашивалъ учениковъ особенно изъ латинскаго языка. Мы его боялись, да и учителя тоже. Бывало, ходятъ по корридору, хотя классы давно начались, а какъ завидятъ А. Л., сейчасъ по классамъ. Особенною чертою А. Л. было то, что онъ не любилъ хорошо одѣтыхъ, съ причесанною, масляною головою, учениковъ. Бѣда, бывало, если ученикъ хорошо одѣ-

тый плохо отвѣтитъ;—такой не скоро отдѣлается отъ него; придерется къ чему либо и начнетъ говорить: „масляная голова, масляная голова, отцу, матери не кормилецъ". Неряшливыхъ, но способныхъ учениковъ А. Лук. очень любилъ.

Ученіе мое едва не прекратилось на 3-мъ кл. Когда я переведенъ былъ въ 3-й кл., отецъ мой, обремененный семействомъ, подалъ лично прошеніе архіерею Амвросію 1-му, чтобъ меня опредѣлить во дьячка той церкви, гдѣ онъ былъ. Объ томъ же просили многіе другіе отцы. Пр. Амвросій потребовалъ справки о нашихъ успѣхахъ, и въ то же время велѣлъ явиться лично съ отцами къ себѣ. Тутъ онъ началъ экзаменовать насъ самъ. Я оказался, въ глазахъ его, лучшимъ изъ всѣхъ: прочиталъ и пропѣлъ ему изъ обихода безъ ошибки.—„И ты, обратился онъ къ отцу, такого мальчика хочешь взять изъ училища?"—Не могу, отвѣчаетъ отецъ, содержать дѣтей много, дочери взрослыя"...—„Дочерей отдай за мужиковъ, а его воспитай. Я вотъ что сдѣлаю: пусть это мѣсто (дьячка) числится за нимъ, а ты будешь получать доходъ, покуда онъ будетъ учиться здѣсь". Такъ и получалъ отецъ мой доходы за меня года четыре. Это дало мнѣ возможность кончить курсъ въ училищѣ. Съ 3-го класса ученіе наше пошло лучше, потому что учениковъ стало меньше; изъ 2-го класса послѣ года—до 100 учениковъ исключили за урослость и малоспособность; да изъ 4-го тоже много уволили: но и послѣ того сотъ пять еще оставалось въ училищѣ.

Пять лѣтъ я пробылъ въ училищѣ, и наконецъ перешелъ въ семинарію. Всѣхъ учениковъ перешло изъ училища въ семинарію 120-ть. Память у меня была хорошая, и я мало тяготился ученіемъ въ семинаріи, тѣмъ болѣе, что и учителя въ семинаріи были лучше. Въ то время славились изъ

учителей семинаріи Воронцевъ и Василій Мих. Мерцалловъ. Воронцевъ читалъ словесность и преподаваніе его было толковое. Мерцалловъ читалъ исторію гражданскую и читалъ увлекательно. Мы просто были всѣ въ восхищеніи отъ его разсказовъ, и не только мы, но и профессора семинаріи приходили слушать его исторію, даже архіерей Амвросій нѣсколько разъ пріѣзжалъ слушать его лекціи по исторіи. И когда читалъ онъ лекцію, мы сидѣли такъ тихо, что услышишь, какъ муха пролетитъ. Философію преподавалъ Андрей Лук. Овсовъ. Философъ онъ былъ хорошій и преподавалъ съ увлеченіемъ; но такъ какъ преподаваніе шло на латинскомъ языкѣ, по Бауймейстеру, то мы мало ему внимали. Латинскій языкъ немногіе изъ насъ знали хорошо, а потому слѣдить за его преподаваніемъ не могли. Богословіе въ мое время читалъ ректоръ архим. Антоній; но онъ мало занимался своимъ предметомъ и рѣдко являлся въ классы. Кончило насъ курсъ 64 человѣка.

Хожденіе въ классъ было обязательно; но многіе опускали классы, или по лѣности, или по другимъ причинамъ. За незнаніе урока, опущеніе класса виновныхъ штрафовали стояніемъ на колѣнахъ, или у печки. Но за болѣе важные проступки, напр.—винопитіе съ буйствомъ, сѣкли розгами. Такъ я живо помню, какъ высѣкли троихъ богослововъ за винопитіе, соединенное съ буйствомъ, за что они попались въ полицію. Кромѣ розогъ, дурныхъ послѣдствій для нихъ не было; одинъ изъ сѣченныхъ даже назначенъ былъ въ академію.

Въ квартирахъ инспекція насъ мало стѣсняла. У насъ были свои старшіе, но они намъ снисходили. Поэтому, въ свободное время, мы ходили на Суру рыбу ловить, купаться; гуляли по лѣсамъ за ягодами; ходили по вечерамъ въ Пензѣ. Болѣе взрослые находили удовольствіе въ другихъ забавахъ,

въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимало и винопитіе. Въ квартирахъ жили человѣкъ по 5-ти по 10-ти. Въ хозяйствѣ, для закупки провизіи мы выбирали изъ среды себя одного ученика, который и слѣдилъ за нашимъ столомъ. Столъ нашъ былъ тогда не дорогъ; рубля по 2—по 3 р. сложимся, и доставало на треть. Говядина была по 3 к. асс., мука 30 к. асс. За квартиру платили съ каждаго по рублю асс. Квартиры наши были, большею частію, за Пензой, и около Лебедева моста. Одежда на насъ была самая простая; у не многихъ были нанковые сюртучки, и большая часть ходили въ халатахъ изъ полосатой матеріи. Въ училищахъ многіе ходили въ лаптяхъ, а лѣтомъ босикомъ, но въ семинаріи того не было.

Жизнь бурсаковъ въ особенности была не приглядна по тогдашнему нашему понятію. Хлѣба они вдоволь не видали, не говоря уже о говядинѣ и кашѣ. Во время ужина они завертывали въ платочки остатки хлѣба и каши, чѣмъ и питались во время смѣнъ. Калачъ для бурсаковъ былъ недосягаемымъ блаженствомъ.

Ради пропитанія за многими изъ богослововъ зачисляли священническія мѣста, доходами съ которыхъ они себя содержали. Такъ за мною еще въ богословскомъ классѣ зачислено было священническое мѣсто въ с. Ш., гдѣ по штату было два священника, и я во время каникулъ отправлялся получать доходъ. Нѣкоторые даже женились, будучи въ богословскомъ классѣ.

Со словъ старожила сообщилъ свящ. **А. Масловскій.**